

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Начал все тот самый работник отдела документации, но держался он так, будто вообще ни при чем: весь такой мрачно-невзрачный, рассеянный старомысл. Сайм даже прозвал его Старым Занудой.

Джулия изредка с ним пересекалась. У таких подразделений, как отделы документации, литературы и научных исследований, перерыв на вторую кормежку начинался в тринадцать ноль-ноль, поэтому все лица уже примелькались. Но до недавних пор это был просто Старый Зануда: ходил с таким видом, будто муху проглотил, и кашлял больше, чем разговаривал. На самом деле звали его товарищ Смит, хотя слово «товарищ» ну никак не вязалось с этим человеком. Но если у вас язык не поворачивается обращаться к некоторым сотрудникам «товарищ», лучше с такими вовсе не заводить беседу.

Был он худощав и невероятно светловолос. Недурен собой; вернее сказать, не расхаживай он с кислой миной — был бы, вероятно, недурен. Никому не случалось видеть его улыбку — разве что натужно растянутые в знак партийного пиетета губы. Как-то раз Джулия совершила оплошность: сама улыбнулась ему — и в ответ получила взгляд, от которого,

наверное, молоко киснет. По общему мнению, специалист он был классный, но на продвижение по службе рассчитывать не мог, потому как происходил из семьи нелиц. Вероятно, из-за этого и ожесточился.

И все же Сайм перегибал палку, когда над ним измывался. В министерстве правды Сайм разрабатывал термины новояза. Предназначались они для очистки умов, хотя зазубривать их было сущей пыткой. Граждане худо-бедно справлялись, но Зануда Смит, даже выговаривая «неположительный», кривился, будто язык ошпарил. А Сайм от этого только сильнее льнул к нему под видом лучшего друга, приправлял свою речь новоязовскими словечками и наблюдал, как передергивает собеседника. Смит ко всему прочему не выносил зрелища публичных казней, а потому Сайм не только заговаривал с ним о повешениях, которые сам старался не пропускать, но и подражал хрипам висельников, а также утверждал, что самое интересное — это наблюдать, как у повешенного вываливается язык. Смит на глазах зеленел лицом. Сайму полюбились такие забавы.

Как-то раз Джулия обратилась к этому человеку в столовой, когда они поневоле втиснулись за один стол. Тогда она еще имела на Смита кое-какие виды. В миниправе интересные мужчины были наперечет, и она подумала, что с таким неплохо будет сойтись поближе — хотя бы изредка скоротать утомительный день. Придав своему голосу больше теплоты, чем требовалось, она поболтала с ним о новом Трехлетнем Плане, о весьма своевременном — хвала Старшему Брату — расширении штатного расписания литературного отдела; а как, интересно, справляется отдел документации?

Вместо ответа он, избегая встречаться с ней глазами, уточнил:

— Вы, стало быть, работаете за литературным станком?

Она рассмеялась:

— Я устраняю технические неисправности, товарищ. Одним станком дело не ограничивается. Здорово было бы целый день обслуживать один-единственный станок!

— Постоянно вижу вас с гаечным ключом в руках.

Его взгляд опустил к повязанному вокруг ее талии алому кушаку Молодежного антиполового союза и тут же метнулся в сторону, как от удара током. Она поняла, что этот балбес ее опасается. Заподозрил, что она донесет на него за злосекс — будто бы разглядела зреющую в его мозгах грязिशку!

В общем, дальнейшие усилия потеряли всякий смысл. Каждый доедал свою порцию молча.

Все переменялось ненастным апрельским утром: на улицах лютовали злые ветры, Лондон громыхал и стонал, едва не падая к собственным стопам, а в отдел литературы появился О'Брайен. С его приходом лито превратился в сумасшедший дом: каждый работник стремился выказать служебное рвение, и только Джулия была лишена такой возможности: все утро она расхаживала по мостику над цехом, безуспешно высматривая желтые флажки, которые сигнализировали о какой-либо неисправности. Обычно они сорняками вырастали то тут, то там, и Джулия еле успевала метаться от одного рабочего места к другому, раз за разом повторяя: «Товарищ, у вас тут постукивает... Вот, теперь совсем другое дело. Ну-ка, проверим?» Зачастую сотрудники

подзывали ее лишь для того, чтобы под благовидным предлогом выскользнуть в коридор, а там глотнуть джина и потрепаться с коллегами; Джулия всем подыгрывала — останавливала станок и делала вид, будто проводит диагностику для выявления мнимого сбоя.

Сегодня цех погрузился в тишину. Все боялись, как бы О'Брайен не заподозрил саботаж. Джулия мерила шагами мостик и умирала от желания хотя бы разок затянуться, но понимала, что сигарета станет доказательством ее преступного безделья.

Отдел литературы занимал необъятные, лишенные окон производственные площади на первых двух подземных этажах министерства правды. Все это пространство отводилось под сюжетное оборудование — восемь гигантских машин, с виду похожих на гладкие, сверкающие металлические контейнеры. При откинутой крышке нутро каждого такого ящика поражало скоплением датчиков и переключателей. Только Джулия да ее напарница Эсси знали, как забраться внутрь, не нарушив ни одного контакта. Централизованный пульт управления был устроен по типу калейдоскопа. В нем насчитывалось шестнадцать захватных устройств для отбора и перемещения сюжетных элементов: сотни металлических словолитных деталей извлекались из хранилищ и подвергались сортировке, покуда из них не складывалось плотно подогнанное целое. Эта успешная схема собиралась — опять же механическим способом — на магнитной плате. Плату погружали в поддон с типографской краской, вытаскивали с помощью специального подъемника и делали оттиск на бумажном рулоне. Готовую распечатку отрезали. Забирал ее главный технолог.

Разграфленный лист в шутку называли «картой бинго»: там были закодированы все признаки очередного произведения — жанр, главные герои, ключевые эпизоды. Когда-то один литобработчик пытался растолковать Джулии, как интерпретируются те или иные символы, но всё без толку. Даже после пяти лет работы на производстве она видела в них только озазийские пиктограммы.

Сейчас у нее на глазах технолог отчекрыжил от рулона новый сюжет и помахал им в воздухе, чтобы подсушить краску. Проверив готовность, он свернул лист в трубочку и поместил в тубус, а тубус отправил в аэрожелоб. Со своего наблюдательного пункта Джулия отследила, как тубус, пролетев через прозрачный лабиринт закрепленных на потолке гибких труб, шлепнулся в какой-то лоток в южном торце помещения. В той стороне располагался собственно отдел литературы, где длинными рядами сидел мужской и женский персонал, бормоча что-то в речеписы и тем самым преобразуя карты бинго в романы и повести. Но поскольку никакие механизмы здесь не использовались, данный этап Джулию не интересовал.

Зато ее бесконечно увлекало сюжетное оборудование: как оно работает, по какой причине может выйти из строя. Она знала состав типографских красок и сама охотно объясняла другим, почему синий цвет — проблемный. Знала, как фиксируется рулон и отчего бумага может сморщиться или замяться. С невероятной точностью определяла, когда потребуется замена тех или иных деталей, и знала, как оформить заявку, чтобы ее не отклонила комиссия по средствам производства. Но о самих книгах, ко-

торые представляли собой конечный результат, знала всего ничего — они ей вообще были побоку. Один из специалистов лито признался ей, что у него, прежде заядлого читателя, отношение схожее. «Не зря ведь говорится: любишь продукт мясной — цех обходи стороной. Иначе на колбасу потом смотреть будет тошно. Это я про себя и про книги». Сравнение с мясопродуктами Джулию не убедило. Сама она привычно готовила и ела мясные колбаски. А как-то раз, на спор, отведала сырого колбасного фарша. Однако та сентенция была справедлива по отношению к таким книгам, как «Победа революции: Во имя Старшего Брата» и «Фронтальная санитарка 7: Лариса».

Погрузившись в эти размышления, Джулия поймала себя на том, что бездумно глазеет на О'Брайена. Тот курсировал по цеху, экспромтом проводил беседы и задавал вопросы, приветливо улыбаясь всем и каждому. Работники, оказавшиеся на значительном расстоянии от него, с отсутствующим видом потупились. Они старательно уподоблялись производственным механизмам, и подчас весьма впечатляюще. Но чем ближе к О'Брайену, тем больше лиц с робкой надеждой поворачивалось в его сторону, как цветы поворачиваются вслед за солнцем. По знаку инспектора с десятков человек оставили свои рабочие места и стали в круг, ловя каждое слово. Понятно, что беседы члена внутренней партии всегда ставились выше производственных дел.

Со своей верхотуры Джулия больше всего поражалась зримому контрасту между О'Брайеном и его слушателями. Член внутренней партии, О'Брайен всегда носил плотный угольно-черный комбинезон

из американской хлопковой ткани, причем явно индивидуального пошива, безусловно подогнанный по фигуре. На всех остальных — членах внешней партии — были комбинезоны из вискозы: либо в облипку, либо до смешного широченные. После одного рабочего дня вискоза вытягивалась на коленях, после двадцати дней мешки на коленях утолщались за счет постоянной штопки. Каждый комбинезон от частой стирки приобретал слегка отличный от прочих оттенок синего, а если ткань линяла неровно, то и пятнистую расцветку. Рослый, могучего телосложения, О'Брайен выделялся на фоне работников лито — или болезненно тщедушных, или, как нарочно, брюхастых. По неистребимой привычке робких все они сутулились, тогда как О'Брайен, этакий племенной бык, держался молодцевато. У стороннего наблюдателя возникало искушение приписать ему изрезанные шрамами костяшки пальцев и сломанный короткий нос, хотя в действительности у него не было ни одного изъяна. И потом, не стоило сбрасывать со счетов его обаяние: с мужчинами он общался как с закадычными друзьями, а каждой девушке внушал убежденность, будто она запала ему в душу. Вы, конечно, понимали, что это сплошная фальшь, а все-таки невольно проникались к нему симпатией.

Джулии он напоминал одного киногероя, высокопоставленного партийца, который застрял во втором агрорегионе и в финале спас урожай. Никто, кроме него, не заметил нашествия мелких вредителей, пожиравших изнутри кукурузные початки. Партиец отличился благодаря своему непревзойденному интеллекту, на который указывали его аккуратные

очки, сползающие на кончик носа. Когда же дело дошло до помощи в уборке урожая, партиец опустил сложенные очки в карман и поразил сельчан своей недюжинной силой. По нему вздыхали девушки, а земледельцы до упаду смеялись его незатейливым шуткам. Таков же был и О'Брайен, вплоть до очков в золотой оправе и успеха у девиц. Сейчас рядом с ним, возле станка номер четыре, материализовалась соседка Джулии по общежитию, Маргарет: разругавшись, она ерошила копну рыжеватых волос и заливалась хохотом всякий раз, когда О'Брайен давал для этого хоть малейший повод. Маргарет даже не работала в лито и оказалась здесь без всякой видимой причины. А за спиной у нее маячили Сайм и Амплфорт, работавшие вместе с ней на десятом этаже. Видимо, все трое, заслышав о приезде О'Брайена, кубарем скатились вниз по лестнице.

Джулия с досадой отвела глаза: ей и самой не мешало бы сейчас пообщаться с О'Брайеном — не за его красивые глаза, а просто чтобы узнать, нет ли у него заказов на мелкий домашний ремонт. Такие заказы поступали от большинства проверяющих, поскольку мастера из службы жилупра приезжали по вызовам с большой задержкой и никогда не имели при себе нужных запчастей. Джулия выполняла ремонт на дому просто из интереса (так она говорила), но почти каждый заказчик по доброте душевной подкидывал ей долларов пятьдесят чаевых. А с членами внутренней партии вообще нелишне было водить знакомство. Если ей не совали деньги — еще и лучше. Это говорило о том, что заказчики держат ее за свою. По слухам, благодаря такому дружескому

расположению можно было получить и должность, и квартиру.

Из О'Брайена вышел бы идеальный «друг». Но Джулия не спускалась в цех и прятала лицо под маской добросовестности. По спине у нее ползли мурашки от одной мысли о приближении к этому человеку. О'Брайен был направлен к ним из минилюба.

Тут вырубили электроснабжение всех производственных линий. Пожужжав и помедлив, станки издали рык, подобный стону матерого зверя, оседающего на землю всей своей нешуточной массой. В наступившей тишине (какой-то неестественной, как глухота после взрыва) прозвучал свисток — сигнал к началу двухминутки ненависти.

Служащие лито, равно как и дюжины других отделов, предавались ненависти в отделе документации. Там было просторно: штат доко урезали наполовину в ходе малой реорганизации 1979 года. Ко всему прочему такое перемещение приятно разнообразило рутину лито — отдела, куда не проникал дневной свет; доко, в свою очередь, полностью занимал десятый этаж с рядами окон. И все там было бы хорошо, если бы не запрет на пользование лифтами: укрепляем здоровье, товарищи! А ведь в здании министерства было три этажа-«призрака», где раньше активно работали многочисленные отделы; нынче эти площади пустовали, вот и выходило, что десятый этаж — по факту тринадцатый. А значит, вам приходилось не только преодолевать лишние марши, но еще и лицезреть эти вымершие этажи.

Над каждой лестничной площадкой властвовал телекран. Сайм и Амплфорт, которым восхождение давалось с трудом, то и дело останавливались, с видимым увлечением реагировали на любые телекранные слова и пыхтя утирали пот. У Джулии выработалась привычка улыбаться всем попадавшим на пути телекранам: воображение рисовало ей утомленного наблюдателя, обрадованного ее приходом. Лестницы не стали для нее препятствием. В свои двадцать шесть лет она была в расцвете сил и полноценно, как никогда, питалась. Сегодня, после долгих, томительных часов бездействия, она необычайно бодро и легко взбегала по ступенькам, перекидываясь парой слов с каждым встречным, обмениваясь рукопожатиями и смеясь шуткам. Сайм прозвал ее Незабудкой — от этого она иногда поеживалась, но внушала себе, что бывает и хуже. В конце подъема она резко замедлила шаг, осознав, что вот-вот перегонит О'Брайена. В итоге ей удалось войти в доко буквально за ним по пятам, но в общей толпе.

Первым, кто попался ей на глаза, был Смит — Старый Зануда. Он расставлял стулья и, поглощенный этим занятием, выглядел на удивление симпатичным. Подтянутый мужчина лет сорока, невероятно светловолосый, сероглазый, он смахивал на героя плаката «Слава нашим работникам умственного труда», даром что без телескопа. Похоже, им владели какие-то холодные, но прекрасные грезы. Вероятно, о музыке. Невзирая на легкую хромоту, двигался он с явным удовольствием; сразу было ясно, что его увлекает конкретная цель.

Но при виде Джулии он брезгливо поджал губы. И разительно изменился внешне: от ястреба до яще-

ра. У Джулии в голове мелькнуло: «Тебе бы хорошенько перепихнуться — и все как рукой снимет!» Она чуть не расхохоталась — настолько это попало в точку. Хотя родился он в семье нелиц, что не отвечало нормам партийной доктрины, главную его проблему составляло не происхождение и даже не это мерзкое покашливание. Старый Зануда являл собой печальный пример секс-неудачника. И виной тому была, естественно, женщина. Кто ж еще?

Отбросив эти мысли, Джулия дождалась, когда Смит устроится на стуле, и села непосредственно за ним. Выбор места она мотивировала для себя тем, что оказалась прямо у окна. Но когда Смит, обескураженный таким соседством, напрягся, Джулию охватило мстительное удовлетворение. Сбоку от нее висела низко закрепленная книжная полка с одной-единственной книгой: старым, 1981 года издания, словарем новояза, уже припорошенным пылью. Она воочию представила, как извозит сейчас палец в этой пыли и выведет что-нибудь у Смита на загривке (допустим, первую букву своего имени), хотя об этом, понятное дело, не могло быть и речи.

Досаждало одно: в ноздри лез его запах. По идее, от него должно было нести плесенью — но пахло здоровым мужским потом. Вслед за тем внимание Джулии переключилось на его волосы: густые, блестящие — не иначе как приятные на ощупь. Несправедливо все же, что партия портит красавчиков. Пусть бы руководство занялось Амплфортами и Саймами, а Смитов оставило ей.

И тут — ну надо же — явилась Маргарет и плюхнулась рядом со Смитом, а по другую руку от Маргарет уселся не кто иной, как державшийся за ней

О'Брайен. Эти двое словно бы не замечали друг друга. В доко так вели себя все сотрудники. Работа у них была скользкая: с утра до вечера они вылавливали в текстах старомыслие, а потому соблюдали дистанцию — сидели на расстоянии вытянутой руки. Но Джулию сейчас занимало другое: с чего это О'Брайен приклеился к Маргарет? Не потому же, что купился на ее откровенные заискивания и вздохи?

Джулия отвела взгляд (самая надежная тактика в нештатных ситуациях) и стала смотреть то в одно окно, то в другое. Мимо плыл обрывок газеты: он лихорадочно покружился в воздухе, потом неожиданно разгладился и спикировал вниз, туда, где виднелись крыши. С такой высоты кварталы, населенные пролами, и кварталы, населенные партийцами, были неразличимы; от этого постоянно возникали неувязки. Даже прогалины в тех местах, куда угодили ракеты, узнавались не сразу; но если вы шли по улицам, воронки зияли на каждом шагу, и Лондон местами выглядел не как столица, а как город-кратер. В дневное время действовал запрет на использование топлива в личных целях, и лишь редкие клочки дыма выдавали расположение центров питания категории А1. Случалось и отключение электроэнергии: тогда неприглядные, темные окна административных комплексов отсвечивали суровыми морскими бликами.

И без того ограниченный вид из небольшого окна загоразживал массивный телекран, установленный на близлежащем министерстве транспорта: бегущие картинки создавали иллюзию мерцания и легких переливов дневного света. Изображения были закольцованы обычным способом. Вначале зритель видел

невинную стайку румяных малышей, играющих на детской площадке. С горизонта на них надвигались извращенцы, евразийцы и капиталисты с загребущими руками. Затем всплывало изображение Старшего Брата, которое стирало всех злодеев с лица земли, освобождая место лозунгу «Спасибо Старшему Брату за наше безоблачное детство!». Далее возникало изображение той же ребятни, но уже в форме детской организации под названием «Разведчики»: серые шорты, синяя рубашка, алый шейный платок. Веселые разведчики маршировали перед ангсоцевским флагом, а лозунг в небе сменялся другим: «Вступай в ряды разведчиков!» Потом затемнение — и показ начинался сызнова.

За окнами деловито кружили вертолеты. В первую очередь вы замечали вертолеты тяжелого класса: их стрекот проникал в здание даже сквозь толстые оконные стекла. Экипаж каждой машины состоял из летчика и двух стрелков; через открытую дверь коптера изредка можно было увидеть одного сидящего в непринужденной позе стрелка с черной винтовкой, поставленной на колено. При слове «коптер» вы невольно переводили взгляд на целые стаи микрокоптеров, и тогда тяжелые машины уподоблялись их родителям. Беспилотники-микро управлялись дистанционно. Использовались они только для наблюдения, причем в районах, занимаемых внешнепартийными учреждениями; порой, на миг оторвавшись от работы, вы замечали микрокоптер, зависший этакой любопытной птицей прямо за окном.

Но самое поразительное зрелище являло собой министерство любви. Оно взмывало из хаоса руин и приземистых домишек, словно белый плавник,

что разрезает мутно-бурые воды. На его мягко поблескивающем фасаде ваш взгляд различал крошечные фигурки рабочих, сросшиеся с ажурными люльками из стальных тросов: глухие наружные стены министерства драились до белоснежного сияния. Если же пренебречь такими незначительными деталями, как рабочие в строительных люльках, то здание это своей белизной производило впечатление собственного отсутствия, некоего портала, что испарывает этот запущенный город, эту облачность — и ведет в никуда. Минилюб вообще не имел оконных проемов, отчего строгая красота здания оказывала какое-то удушающее воздействие. Джулии кто-то рассказывал, что там расплодились безглазые мыши: в отсутствие света зрение им не требовалось. Это, конечно, полная чушь. Даже при отключении электроэнергии четверка важнейших министерств никогда не погружалась во мрак. И все же Джулии не давал покоя рассказ про слепых мышей. Они символизировали настоящие ужасы, что творились в тех стенах: ужасы незримые и лишь воображаемые — по неведению.

К юго-западу от минилюба стояла более скромная башня из стекла и металла — министерство изобилия, неизменно залитое светом. Южнее возвышалось министерство мира, которое издали выглядело как окутанное туманом сияние. А еще дальше Джулия различила тусклую зеленоватую дымку, — очевидно, это были поля в предместьях Лондона. Она привыкла считать, что этой дымкой отмечен Кент, а точнее, Полуавтономная зона номер пять (таково было официальное название), где прошло ее детство.

Работники миниправа, в большинстве своем уроженцы центральных районов города, равнодушно ходили мимо окон, а Джулия не могла наглядеться на Лондон. Город манил ее даже своей искореженностью и разрухой, даже разгулом хулиганства за пределами партийных кварталов. Это был величайший город Взлетной полосы I, занимающий первое место по численности населения во всей Океании, от Шотландской Полуавтономной зоны до Аргентинского экономического региона. Джулия всегда считала, что ей крупно повезло жить именно здесь, хотя родилась она в ПАЗ, среди рогатого скота и лагерей.

Пока она глазела в окно, помещение заполняли участники двухминутки ненависти, и мужской запах Смита растворился в общем смраде заношенного белья, кислого дыхания и дешевого мыла. На многих лицах уже появилась печать гнева — предвестника ненависти. Всегда странно было наблюдать, как собравшиеся рычат и щерятся перед пустым телекраном. Джулию захлестнула — и на сей раз почему-то не отпускала — привычная уже тревога: вдруг именно сейчас двухминутка сорвется, вдруг работники умолкнут от смущения или попросту взорвутся смехом? Всякий раз, когда на нее накатывало такое предчувствие, она воображала, как вскочит со своего места и сурово приструнит насмешников. Хотя, по всему, должна была бы рассмеяться первой.

И вот началось. Сперва по ощущениям, затем на слух: возникла некая вибрация, похожая на гром, сменившийся оглушительным, скрипучим голосом. Он, казалось, жужжал прямо в металлических стульях и даже лампочки доводил до жестокой мигрени. По залу прокатился общий гневный вопль, когда на